

Сборник рекомендован к публикации Учебно-методическим советом факультета социологии и политологии Южного Федерального университета

С 23 Сборник материалов IV Южно-Российского политологического конвента (г. Ростов-на-Дону, 21-25 октября 2013 г.) // Под ред. Р.А. Пупыкина, И.В. Николаева. ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2013. – 432 с.
ISBN 978-5-9275-1188-4

IV Южно-Российский политологический конвент, организованный кафедрой теоретической и прикладной политологии факультета социологии и политологии ЮФУ и Ростовским региональным молодежным отделением РАПН, прошел 21-25 октября 2013 года на базе Южного Федерального университета, г. Ростов-на-Дону.

Сборник содержит тезисы и статьи участников всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Политика и политология в современной России: преодоление кризисов и реализация перспектив», проходившей в первый день Конвента. Конференция объединила представителей регионов России, Молдавии, Украины и Казахстана.

В книге публикуются также материалы, подготовленные участниками экспертных дискуссий, круглых столов и презентаций, прошедших в рамках Конвента, а также научные исследования представителей научных сообществ – постоянных партнеров Южно-Российского политологического конвента.

Книга будет полезна политологам, социологам, социальным и политическим философам, а также широкому кругу читателей, интересующихся современными политическими процессами.

Публикуется в авторской редакции.

ISBN 978-5-9275-1188-4

УДК 321.01
ББК 66.2

© Южный федеральный университет, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

10

IV Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Политика и политология в современной России: преодоление кризисов и реализация перспектив»

СЕКЦИЯ

«ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

<i>Аванесян С.Р.</i>	Интеграционные процессы на постсоветском пространстве	12
<i>Алиев Д.</i>	Ассамблея народа Казахстана	17
<i>Бабаян Г.М.</i>	Россия и русские в исторической и ментальной памяти арцахских армян	19
<i>Барсова Е.С.</i>	Евразийская интеграция и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации: роль ЕврАзЭС	22
<i>Васильчук Е.О.</i>	Особенности использования религиозных идей российскими экстремистскими объединениями в Украине	24
<i>Жусип Д.</i>	Казахский Гуманитарно-Юридический университет: вчера, сегодня, завтра	27
<i>Лавриненко А.А.</i>	Трансформация политических элит на постсоветском пространстве (на примере Украины и России)	28
<i>Утародов Д.И.</i>	Проблемные аспекты миграционной политики Российской Федерации в контексте создания Евразийского Союза	32
<i>Хребет-Иштединова И.А.</i>	Процесс еврорегионализации в Украине	35

СЕКЦИЯ

«ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИКИ И МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

<i>Влишток В.Ю.</i>	Кризисы и сдвиги политосферы России	40
<i>Боголюбов М.И.</i>	Православие и демократия: аксиологический взгляд на проблему	43
<i>Веселов Я.В.</i>	Диктатура и биополитика: концепция суверенитета в европейской философии XX	46

1. Бек У. Космополитическое общество и его враги // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. Том VI. – 1. – С. 26

2. Гусев А. Маргинализация и космополитизм: взгляды современных теоретиков на социальные последствия интенсификации пространственных перемещений // Социологическое обозрение. – Том 8, - №2, - 2009, С. 76

3. Шютц А. Чужак: социально-психологический очерк // Социальные и гуманитарные науки. Реферативный журнал. Сер. 11 Социология, 1998, № 3. с. 177-193

Концепты и моральные фреймы «консервативной революции» в Германии 20–30-х гг. XX в.⁷

Константинов М.С.

Южный федеральный университет

Целью данной работы является анализ одного из направлений консерватизма XX века — «консервативной революции» в Германии 20–30-х гг. — с позиций интегративно-когнитивистского подхода, разработанного С.П. Поцелуевым, М.С. Константиновым, Т.В. Беспаловой и И.В. Николаевым [см., например: 7]. Указанный подход предполагает комплексное изучение взаимообусловленности политической морали и идеологии, которое реализуется посредством сочетания элементов методологии деятельностного и концептологического подходов, а также фрейм-анализа. Суть данного подхода состоит в исследовании моральных фреймов, определенным образом организующих влияние идеологических концептов на восприятие и осмысление акторами актуальных политических проблем и, как следствие, на их мотивацию и целеполагание в политической деятельности. Экспликация базовых концептов идеологии «консервативной революции» и ассоциированных с ними моральных фреймов с позиций описанной методологии посвящена данной статье.

«Консервативная революция» представляла собой политико-идеологическое течение «обновлённого консерватизма», возникшее в Веймарской Германии и сочетавшее консервативные идеи с социалистическими в борьбе с либерализмом, парламентаризмом и марксизмом. Для этого течения, отмечает отечественный исследователь А.М. Руткевич, было «характерно сведение счётов с прежними архаичными

⁷ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Моральные фреймы современных политических идеологий: опыт интегративно-когнитивистского анализа», проект № 12-03-00401а.

воззрениями» [8, с. 5]. Потребность обновления консерватизма была обусловлена изменением социально-политической ситуации на рубеже XIX–XX вв.: быстрая индустриализация повлекла за собой рост социально-экономического неравенства и социальных проблем, вызвав разочарование в постулатах классических идеологий, и консерватизма, в частности. Первая мировая война, воспринимавшаяся как крушение всей западной цивилизации XIX в., фундаментом которой были капиталистическая экономика, либеральные институты, буржуазия как основной класс, впечатляющие успехи в науке, образовании, материальном и нравственном прогрессе [10, с. 16], а также мировой экономической кризис 30-х гг., стали рубежными событиями в развитии консерватизма XX в. Не меньшее значение имело произошедшее на рубеже веков вторжение масс в политику, «полный захват массами общественной жизни» [5, с. 43], что вызвало негодование аристократически ориентированных консерваторов по поводу безответственности и бездуховности масс⁸, падения нравственности в этом «скопидомстве отдельных индивидов» [15, р. 24; русск. перевод: 1, с. 111]. В результате осмысления перечисленных проблем и выработки способов их решения произошла радикализация консервативной мысли. Наиболее ярко это проявилось в идеологии «консервативной революции».

К «ближнему кругу» её представителей обычно относят О. Шпенглера, А. Мёллера ван ден Брука, Э. Юнга, Э. Юнгера, Э. Никиша, Х. Церера, К. Шмидта и Х. Фрайера [см., например: 13, с. 233]. Некоторые исследователи [см., например: 16, с. 307 и сл.; русск. перевод фрагментов книги см.: 4], помимо названных, причисляют к этому движению М. Шелера, В. Зомбарта, Э. Форстхоффа, Т. Манна и др. Однако, столь расширительное толкование данного феномена только размывает его границы и затрудняет идентификацию и без того разнородной и противоречивой консервативной идеологии⁹. Мы ограничимся рассмотрением нескольких ключевых фигур из «ближнего круга», в работах которых выражена специфика комплекса «базовые концепты – ассоциированные с ними фреймы».

Одной из работ, задавших моральный тон «консервативной

⁸ Например, Х. Ортега-и-Гассет сетовал: «В массу вдохнули силу и спесь современного прогресса, но забыли о духе. ... Новые поколения, желая править миром, смотрят на него как на первозданный рай, где нет ни давних следов, ни давних проблем» [5, с. 68-69].

⁹ Большинство исследователей идеологий согласны в том, что консерватизм в целом есть крайне разнородное течение политической мысли, характеризующееся ситуативностью, позиционностью и антиуниверсальностью [см., например: 14]. Нередко он рассматривается как одна из форм политического прагматизма, не имеющая принципиального содержания [18, р. 57]. Некоторые авторы в этом видят парадокс консервативной рефлексии, «противоречно определяющей консерватизм как политическую теорию, полагающую ложными любые политические теории» [17, р. 12]. В качестве решения подобного *reductio ad absurdum* предлагается рассматривать консерватизм не как теорию, но как склад ума, склонность к сохранению настроения, или эмоций, или отношений [там же; см. также: 2; 6].

революции», стало эссе Освальда Шпенглера «Пруссачество и социализм» (1919 г.). Оно было составлено из заметок ко второму тому нашумевшей работы «Закат Европы» (1918 г.) и направлено против западного либерализма, парламентаризма и марксизма. Ключевое значение в построениях О. Шпенглера имеет концепт «пруссский дух», или «пруссачество» как «определённая совокупность чувства реальности, дисциплины, корпоративного духа и энергии...» [11, с. 49]. Он есть выражение метаисторической «пруссской идеи» и противопоставляется концептам немецкого либерализма, формировавшегося под английским интеллектуальным влиянием, и в результате пришедшего к индивидуализму и отрицанию государства¹⁰: «Каждый за себя — это по-английски; все за всех — это по-пруски. ... Пруссский инстинкт говорит: власть принадлежит целому¹¹. Отдельное лицо ему служит. Целое суверенно. [...] Пруссскому духу свойственно поглощение единичной воли общей» [11, с. 56, 26, 62]. В этой картине рисуются фреймы «пруссского духа»: «звонкая поступь рабочих батальонов, спокойная решимость, дисциплина, готовность умереть за что-то потустороннее» [11, с. 18]. Эти фреймы производны от нравственных заповедей монашеских орденов немецкого рыцарства, среди которых: «верность, дисциплина, самоотверженность, самоотречение, самовоспитание» [11, с. 52]. Историческим воплощением «пруссского духа» стали прусская армия, прусское государство и прусский рабочий [11, с. 19].

Вторым из базовых концептов, непосредственно связанных с первым, можно считать прусский «авторитарный социализм», жёстко ассоциированный с фреймами солидарности и служения, или, в терминах О. Шпенглера, «службы»: «Смысл социализма в том, что над жизнью господствует служебное положение, которое добывается усердием и способностями, а не разница между бедными и богатыми. Такова наша свобода, свобода от хозяйственного произвола частных лиц» [11, с. 156]. Социализм, по О. Шпенглеру, есть выражение «пруссского духа», он есть «народный инстинкт», «воля к власти, борьба за счастье не отдельных лиц, а целого» [11, с. 18, 68]. Поэтому истинным носителем социалистической идеи является исключительно немецкий народ, «другие народы не могут быть социалистами» [11, с. 9].

Третий концепт в этой системе — идея революции. Великой трагедией

Ноябрьской революции 1918 г. стало отделение — под влиянием классовой теории марксизма — немецкого рабочего от немецкого народа: «...Мы видели рабочий люд, отщеплённый в своём сознании от народа, благодаря нескольким вколоченным в его мозги положениям и понятиям...» [11, с. 18]. Ложные исходные посылы о классе, который может победить в революции, привели к превращению её в фарс, в карикатуру на Английскую революцию XVII в. и Великую французскую революцию 1789 г. Это было «бессмысленнейшее действие в немецкой истории» [11, с. 17]. Результатом этой революции стала победа «внутренней Англии», т. е. «диктатуры денег», капиталистически-парламентарного либерализма [11, с. 104]. Истинно же великие революции творятся «железом и кровью», потому что «увлечь всех вперёд может только кровь, только идея, ставшая телом и духом» [11, с. 21, 19]. Поэтому истинная революция в Германии произошла не в 1918 г., но в 1914 г. Это была «революция всего народа, единый вскрик, единое прикосновение железной руки, единый гнев, единая цель» [11, с. 21].

На основе описанных концептов в эссе «Пруссачество и социализм» противопоставляются две морали, — «наша» (мораль «пруссского духа») и «их» (торгашески-утилитарная мораль «духа англичан»): «Разница между прусской и английской моралью — всё та же разница между рыцарями религиозного ордена и викингами» [11, с. 69]. В моральной философии англичане — утилитаристы; истинная цель их устремлений, прикрываемая этико-богословской риторикой, — богатство; морально приемлемые цели — успех в борьбе за существование: «В результате такой морали англичане, изолированные на своём острове, достигли такой сплочённости во внутренних и внешних делах, как ни один современный народ Западной Европы: создалось влиятельное общество..., связанное сильным чувством общности, совершенно одинаковым образом мыслей, чувствованиями и поведением» [11, с. 58]. Для прусской жизни, напротив, характерен «карьеризм», — борьба из-за служебного положения, из-за чина; однако моральное содержание этой борьбы совершенно иное: «стремление взять на себя более высокую ответственность в организме целого, чувствуя себя достойным её» [11, с. 70].

Другая противоположность «пруссачеству» — марксизм. Экономическая теория К. Маркса, утверждает О. Шпенглер, производна от этического чувства: «...Основные понятия Маркса ощущаются как моральные противоречия. Термины „социализм“ и „капитализм“ обозначают добро и зло в этой безрелигиозной религии...» [11, с. 117]. Однако эта мораль, по О. Шпенглеру, — не прусского, но английского происхождения. Поэтому она совершенно не согласовывается с прусскими

¹⁰Согласно О. Шпенглеру, немецкий либерализм был исключительно негативным, он не имел «способности оправдать своё отрицание столь же энергичным утверждением противного» [11, с. 56]

¹¹Ср.: «Английский инстинкт привёл к решению: власть принадлежит личности. Свободная борьба индивидуальностей, торжество сильного, либерализм, неравенство. Не нужно больше государства. Если каждый борется за себя, то в последнем итоге это идёт на пользу всем. Французский инстинкт решает: власть не принадлежит никому. Никакого подчинения и, следовательно, никакого порядка. Не государство, а ничто: равенство всех, идеальный анархизм, на практике... жизнеспособность целого сохраняется только благодаря деспотизму генералов и президентов» [11, с. 25].

фреймами служения, ответственности и труда. Труд у К. Маркса лишён нравственной глубины, он наполнен английским содержанием как средство достижения богатства, в отличие от прусского понимания труда как «службы во имя общности, для „всех“, а не для себя, как обязанности, которая облагораживает...» [11, с. 118]. В результате мораль у К. Маркса — это «деловая мораль» англичан, а сам марксизм есть «капитализм рабочего класса» [11, с. 120], имеющий мало общего с «прусским духом».

Это напряжение между «торгашески-индивидуалистической моралью» английских индпендентов и «прусским духом» ответственности за целое, между «буржуазным социализмом» К. Маркса с его «английской моралью», и «прусским социализмом», станет нервом «консервативной революции», несмотря на разнородность взглядов её представителей¹². А концептуальная структура рассуждений О. Шпенглера, с некоторыми вариациями, будет воспроизводиться и другими теоретиками этого движения.

Так, концепты революции, народа и органического целого (государства) получили детальное развитие в знаковом для «консервативной революции» манифесте Ханса Фрайера «Революция справа» (1931 г.). По мысли Х. Фрайера, левые — буржуазные и пролетарские — революции XIX века исчерпали себя в идее прогресса. В результате, XIX век «отказался от своей революции» и именно это открыло дорогу революции справа [9, с. 48, 51]. Революции имеют мало общего с «развитием», «прогрессом» или «движением»; они есть диалектические напряжения, результатом которых «либо будет история здесь и теперь — либо нет» [9, с. 57]. Прошлые революции произвели предварительную работу: они привели к освобождению пространства, в котором формируется новый субъект — народ, который «из смутной идеи превращается в историческую реальность» [9, с. 57].

Народ, согласно Х. Фрайеру, представляет собой историческую целостность, не сводимую к классовой структуре, это абсолютно новое образование, со своей моралью, волей и правом: «Все силы, которые он в себя впитывает, именно благодаря этому освобождаются от вовлечённости в систему общественных интересов и даже от характера общественных интересов» [9, с. 59]. Поэтому, в отличие от левых революций, революция

¹²Согласно А.М. Руткевичу, «среди представителей „консервативной революции“ были как „левые люди справа“, так и „правые люди слева“. Их объединяет не только неприятие либерализма и парламентаризма, но и прежнего консерватизма. У них нет ни малейшей ностальгии по монархии и кайзеру, сословные предрассудки им чужды — сословия были отменены фронтовым братством. [...] От прежнего консерватизма их отличает не только желание избавиться от сословий и классов, которые препятствуют Gemeinschaft, но и отвержение обычного для консерватизма обоснования земной иерархии ссылками на небесную, на извечно установленный божественный порядок. Вслед за Ницше они отвергают „удвоение мира“ и трансцендентный моральный порядок» [8, с. 76-77].

справа не ставит своей первостепенной задачей освобождение индивида: «Человек свободен тогда, когда он свободен в своём народе, а этот последний свободен в своём пространстве. Человек свободен, когда он находится внутри конкретной общей воли (Gemeinwille), которая под собственную ответственность проводит в жизнь свою историю» [9, с. 92–93]. Осуществлением свободы мыслится государство, поэтому задачей революции справа является эмансипация государства: «Дело обстоит так, словно бы глубочайший пласт народа прорывается к дневному свету истории...: это больше не тупая и смутная субстанция, но политический субъект. Он предстаёт как государство. Лишь в этой самой твёрдой и конструктивной форме существования народ становится господином себя самого, своего пространства и будущего. Лишь в этой форме сущность, которой свойственно существовать исторически, добывается своего исторического существования» [9, с. 93-94].

Похожие идеи, но с националистической окраской, развивал Артур Мёллер ван ден Брук в работе «Третий рейх» (1922 г.). Проблема ему виделась в том, что Ноябрьская революция 1918 г. в Германии была чуждой немецкому народу: «Революционеры 1918 года проиграли войну 1914 года, так как их революция не была немецкой» [3, с. 131]. Ноябрьская революция была скопирована с англо-французских образцов и потому оказалась либеральной. Истинная же революция может быть только национальной: «Наша революция только начинается. Она, которая выльется в восстание и сокрушит государство, начнётся с пробуждения, которое произойдёт в людях» [3, с. 119]. Чтобы это произошло, консерватизм должен стать революционным, «отделиться от реакционеров, которые стали уделом истории и посвятить себя полностью политике» [3, с. 129]. Описывая цели этой революции, А. Мёллер предложил концепцию «Третьего рейха», в котором консерватизм сочетается с национализмом на базе социализма: «Не может быть справедливости для человека, если нет справедливости для нации. Люди могут существовать, только если жива их нация» [3, с. 363]. Социально-экономическим фундаментом немецкого социализма должна стать «корпоративная идея о государстве и экономике», а воплотить её в жизнь должен «консервативно настроенный революционер» [3, с. 169].

А. Мёллер описывает несколько современных ему политических типов: революционера, социалиста, либерала, демократа, пролетария, реакционера, консерватора. Наиболее важными здесь являются фигуры революционера, либерала и консерватора — именно они являются участниками великой исторической драмы, разворачивающейся в Германии. Революционер, по мнению А. Мёллера, как бы находится между двумя поколениями; это человек, воспринявший предчувствия и духовные

связи своего поколения, но при этом сумевший понять дух нового: «Этот получеловек, с одной стороны, готовит переход от одного (уходящего) и к другому (грядущему) поколению, но с другой — сдерживает и тормозит этот процесс. ...Истинный революционер никогда не возникнет там, где есть какие-то переходные стадии, он появляется лишь там, где зарождается что-то новое» [3, с. 118–119]. В моральном плане революционер склонен положительно оценивать природу человека и обвинять историю и хозяйственную нужду в порче этой природы.

В отличие от него, консерватор гораздо скептичнее в этом отношении, он не верит в новое ради нового и не склонен винить обстоятельства в собственных неудачах: «Он скорее поверит в катастрофу, которая избавит людей от бессилия» [3, с. 62]. Если взгляд революционера устремлён в будущее, то консерватор «придерживается фактов, причём не только экономических, но политических и даже моральных» [3, с. 344]. Для него главным является власть, связывающая прошлое с будущим, поэтому сущее он видит неизменным, признавая только надвременное; он не сомневается в том, что «мир непременно станет таким, каким он является от природы — консервативным» [3, с. 301, 344]. Это делает консерватора ответственным за любые изменения, которые могут привести к кризису; но эта ответственность — деятельная, а не пассивная, она выражается в принятии на себя ответственности за то, чтобы «подпереть, сплотить и объединить этот мир в политическом смысле на уровне государства, в нравственном отношении на уровне человека» [3, с. 344].

Что же объединяет революционера и консерватора? Их объединяет общий враг — либерал. Характеризуя эту политическую фигуру, А. Мёллер рисует человека хитрого, склонного к обману, непоследовательного, слабохарактерного и т. д. То же касается и моральных характеристик. Под влиянием Ф. Ницше, А. Мёллер не признавал христианской морали, полагая её уделом слабых. По его мнению, историческое значение имеют лишь ценности, порождающие «решительность, людей сильной воли и мощнейшие народные движения» [3, с. 302]. Однако, разражаясь гневными тирадами в адрес либерализма, он не брезгует упрекнуть его в аморальности: «Это вредоносный мир либеральных представлений, который приводит к разложению, который распространяет моральное заболевание среди политических народов. Пропорционально тому, насколько нация попала под его господство, он калечит её характер. [...] Либерализм — свобода не иметь никаких убеждений, но утверждать при этом, что именно подобный подход и является главным убеждением» [3, с. 172]. Именно здесь очень чётко у А. Мёллера расставлены акценты «мы» — «они», в противопоставлении консерватору либерала: «...

Консерватор знает, что мир был консервативным до того момента, пока в нём не появился либерал, а потому для того, чтобы мир стал снова консервативным, надо искоренить либералов» [3, с. 344]. В борьбе с либералами консерватор объединяется с революционером, поскольку либерал есть общий враг для них обоих. Результатом этого объединения будет возрождение консерватизма на новых, революционных началах: «Утратила ли благодаря революции консервативная идея свой смысл? Нет. Она его заново обрела» [3, с. 345].

Особое место в движении «консервативной революции» занимают работы Эрнста Юнгера, в частности, эссе «Рабочий. Господство и гештальт» (1932 г.) и «Тотальная мобилизация» (1930 г.), в которых обосновано метафизическое значение «рабочего» и его роли в Новом мире. Важнейшим событием, определившим облик эпохи, согласно Э. Юнгера, стала Первая мировая война, продемонстрировавшая превращение жизни в энергию масс и техники, «поэтому каждая отдельная жизнь всё однозначнее становится жизнью рабочего и за войнами рыцарей, королей и бюргеров следуют войны *рабочих*...» [12, с. 453]. Эти войны характеризуются рациональной структурой, безжалостностью и особой формой мобилизации ресурсов — тотальной. Под последней Э. Юнгер понимал «акт, посредством которого широкого разветвлённая и сплетённая из многочисленных артерий сеть современной жизни подключается к обильному потоку воинственной энергии» [12, с. 450]. «Тотальная мобилизация» призвана максимизировать использование потенциальной энергии «тотальных государств» — участников войны¹³ и в этом «всего очевиднее угадывается наступление эпохи работы» [12, с. 450]. Ключевую роль в новую эпоху играет «рабочий», — метафизическая величина, несводимая к экономическому или социологическому измерению, «которая уже со всей мощью вмешалась в историю и повелительно определяет формы изменившегося мира» [12, с. 60].

Для характеристики этой величины Э. Юнгер использует понятие «гештальт» — «тотальность», «целое, содержащее больше, чем сумму своих частей» [12, с. 88]. Гештальт рабочего противопоставляется гештальту бюргера. Бюргерскому мышлению отношение к тотальности не дано, оно стремится определить рабочего как экономическую абстракцию человека: «...Если рабочие истолковываются как сословие, это происходит именно под бюргерским углом зрения, и в основе этого толкования лежит бессознательная хитрость, стремящаяся водворить новые притязания в старые рамки...» [12, с. 68]. Поэтому экономикоцентризм ортодоксального

¹³ Концепцию «тотального государства» Э. Юнгер заимствовал у Карла Шмитта, с которым состоял в тесном контакте. К. Шмитт под «тотальным государством» понимал самую совершенную форму традиционного государства, ориентирующегося на «тотальную войну», в которой действует принцип «тотального врага».

марксизма на деле есть лишь продолжение буржуазной эпохи. Эпоха бюргеров была эпохой мнимого господства: «Господство третьего сословия так и не смогло затронуть в Германии то внутреннее ядро, которое определяет богатство, власть и полноту жизни. ...Мы вправе с гордостью признать, что были плохими бюргерами» [12, с. 61].

Это «упущение» предстоит наверстать рабочему, который становится представителем нового общества, характеризующегося равнозначностью экономики и судьбы. Эти надежды были обусловлены новым отношением рабочего к стихийному, к свободе и к власти. Рабочий может действовать в стихийном пространстве, в то время как бюргер ощущает недостаток безопасности; свобода понимается как экзистенциальная величина, которая связана с ответственностью перед гештальтом рабочего и, наконец, власть является репрезентацией этого гештальта, в котором стирается различие между господством и служением: «...Вождь узнаётся по тому, что он есть первый слуга, первый солдат, первый рабочий. Поэтому как свобода, так и порядок соотносятся не с обществом, а с государством, и образцом всякой организации является организация войска, а не общественный договор» [12, с. 64].

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. Для рассмотренного направления консервативной мысли характерны концепты: органическое целое («народ-нация», «рабочий» и т. д.); националистически ориентированный социализм, основанием которого является не обобществление средств производства, но государственная защита человека труда от капиталистических отношений; концепт революции как преодоление «идей 1789-го года» и «внутренней Англии»; у многих авторов (О. Шпенглер, Э. Юнгер, Э. Никиш и др.) можно специально выделить концепт «труд» как характерную черту немецкого рабочего, противопоставляемую буржуазной наживе и спекуляции. То, что говорилось о концептах, можно отнести и к фреймам, характерным для данной модели консерватизма. Наиболее часто встречаются такие характеристики представителей «мы», как «выполняющие долг», и «усердные» в этом, «придерживающиеся фактов, причём не только экономических, но политических и даже моральных», «берущие на себя ответственность», «терпеливые», «обладающие сильной волей и спокойной решительностью» и т. д.; для «нас» характерны верность, самодисциплина, самоотверженность и самоотречение [3, с. 125, 126, 302, 344; 11, с. 18, 56, 68, 70]. «Они», напротив, характеризуются как безнравственные, не имеющие никаких убеждений, эгоистичные, несущие «разложение» и «моральное заболевание среди политических народов», склонные к наживе в ущерб интересам целого и к обману, «непричастные к истории своего

народа и не разделяющие его традиций» и т. д. [3, с. 172-176, 186; 11, с. 18, 56-58, 68, 70]. Таковы основные характеристики «концепт-фреймовая» модели «консервативной революции».

Литература:

1. Кирк Р. Берк и политика, основанная на праве давности // Полис. — 2003. — № 5. — С. 110–117.
2. Манхейм К. Диагноз нашего времени. — Москва: Юрист, 1994. — 700 с.
3. Мёллер, ван ден Брук А. Миф о вечной империи и Третий рейх. — Москва: Вече, 2009. — 368 с.
4. Молер А. Консервативная революция в Германии, 1918–1932 // Неприкосновенный запас. — 2010. — № 1 (69).
5. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. — Москва: Весь Мир, 1997. — 704 с.
6. Оукшот М. Рационализм в политике и другие статьи. — Москва: Идея-Пресс, 2002. — 288 с.
7. Поцелуев С.П., Константинов М.С. Моральные фреймы политических идеологий: базовые понятия и методология исследований // Политическая концептология: журнал мегадисциплинарных исследований. — 2012. — № № 3 (июль-сентябрь). — С. 206–211.
8. Руткевич А.М. Консерваторы XX века. — Москва: Изд-во РУДН, 2006. — 180 с.
9. Фрайер Х. Революция справа. — Москва: Праксис, 2008. — 144 с.
10. Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). — Москва: Издательство Независимая Газета, 2004. — 632 с.
11. Шпенглер О. Пруссачество и социализм. — Москва: Праксис, 2002. — 240 с.
12. Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация. — Санкт-Петербург: Наука, 2000. — 539 с.
13. Beyme K. von. Konservatismus: Theorien des Konservatismus und Rechtsextremismus im Zeitalter der Ideologien 1789–1945. — Wiesbaden: Springer VS, 2013. — 277 с.
14. Huntington S.P. Conservatism as an Ideology // The American Political Science Review. — 1957. — № 2. — С. 454–473.
15. Kirk R. The Conservative Mind: From Burke to Eliot. — Washington: Regnery Publishing, Inc., 2001. — 501 с.
16. Mohler A. Die Konservative Revolution in Deutschland. 1918–1932. Ein Handbuch. — Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1989. — 643 с.

17. Quinton A.M. Politics of Imperfection. — London, Boston: Faber and Faber, 1978. — 105 с.

18. Vincent A. Modern Political Ideologies. — Malden: Wiley-Blackwell, 2010. — 382 с.

Проблемы регионального управления межэтническими отношениями (на примере Ростовской области)¹⁴

*Лукичев П.Н., Коновалов В.Н.,
Мартыросян С.А., Хоперская Л.Л.,
Чернобровкин И.П.*
Южный федеральный университет

Сфера управления межэтническими отношениями в Ростовской области начала складываться еще в 1992 г., с созданием специализированного подразделения в структуре областной администрации – Комитета по связям с политическими партиями, общественными объединениями и национальным отношениям, в настоящее время это отдел по национальным вопросам Управления по национальным вопросам и работе с общественными объединениями. В функции отдела входит:

- подготовка предложений главе администрации Ростовской области по вопросам взаимодействия с общественными объединениями и национально-культурными организациями;
- сбор и анализ информации о межнациональных отношениях в Ростовской области;
- подготовка предложений губернатору области по вопросам взаимодействия с общественными объединениями и национально-культурными организациями;
- сбор и анализ информации о межнациональных отношениях в Ростовской области, составление прогнозов внутривластного развития в Ростовской области;
- обеспечение взаимодействия органов исполнительной власти Ростовской области с Общественной палатой области, Консультативным советом по межэтническим отношениям при главе администрации Ростовской области, Общественной палатой Российской Федерации, Общественной наблюдательной

комиссией Ростовской области.

Во всех муниципальных образованиях области есть ответственные работники администраций, курирующие сферу межнациональных отношений. В полиэтничных районах области при местных администрациях созданы и успешно действуют общественные советы межнационального согласия, советы старейшин и другие общественные формирования, обеспечивающие сотрудничество местных этнических групп с органами власти и управления.

Кроме того, администрация области периодически организует краткосрочные семинары для работников администраций городов и районов, отвечающих за этот участок работы, на которых осуществляется информирование о новых нормативных актах, регулирующих межнациональные отношения, о проблемах, существующих в этой сфере, методах работы и т. д.

Еще в 1992 г. при администрации области создан Консультативный совет, в состав которого наряду с руководителями областной администрации вошли лидеры всех существовавших в тот момент национально-культурных объединений, а областной бюджет предусматривал возможность выделения финансовых средств на поддержку его деятельности. Под эгидой Консультативного совета в 2002 г. была принята Концепция формирования культуры межнационального общения, действующая до настоящего времени. Документ исходил из того, что «в целом этнополитическая ситуация является неустойчивой, находится под воздействием многих факторов, порождающих негативные проявления в межнациональных отношениях и служит важным основанием для проведения активной работы по формированию культуры межнационального общения. <...> В Концепции под культурой межнационального общения понимается совокупность личностных идейных и морально-политических установок, социально-нравственных ценностей, норм и требований, правил, привычек, осуществление которых обеспечивает мир, согласие, стабильность, сотрудничество в сфере межнациональных отношений».

Изменение этнического состава населения области находит свое отражение в росте числа этнических общественных объединений. По состоянию на 31 октября 2013 г. в области зарегистрированы и действуют более семидесяти национальных организаций:

Учитывая новую ситуацию, в 2011 г. Консультативный совет представителей общественных организаций национальных групп области был реорганизован и переименован в Консультативный совет по межэтническим отношениям при губернаторе Ростовской области [2].

¹⁴Материал подготовлен в рамках Круглого стола «Межэтнические коммуникации на Юге России: проблемы и перспективы» (24 октября 2013 г.)